ПРОЯВЛЕНИЕ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ НА СТАДИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА И ЕГО ИСПОЛНЕНИЯ

В развитие авторской теории восприятия добросовестности (в объективном смысле), а именно теории «конкретных жизненных обстоятельств», показаны особенности определения масштаба добросовестного поведения сторон обязательства на стадиях его возникновения и исполнения; представлена взаимосвязь ключевых в гражданском праве понятий: «принцип добросовестности», «добросовестность» и «добросовестное поведение»; определены пределы судейского усмотрения при разрешении спорных ситуаций.

Ключевые слова: добросовестность; принцип добросовестности; добросовестное поведение; обязательственное право; обязательство.

При разрешении той или иной спорной ситуации в обязательственной сфере мы сталкиваемся в первую очередь с необходимостью определения того, какая из сторон обязательства действовала добросовестно. Это дает возможность, в одних случаях, установить пределы применения норм, определяющих необходимость добросовестного поведения участников конкретного обязательства или предполагающих необходимость такого поведения, в других – определить должные охранительные средства, позволяющие в полной мере защитить и восстановить нарушенное субъективное право сторон обязательства в зависимости от наличия или отсутствия добросовестности их поведения, в остальных – при недостаточности правовой регламентации обязательственного отношения восполнить ее с учетом требования добросовестности поведения сторон такого отношения. При этом необходимо учитывать, что оценка поведения участников обязательства как добросовестного осуществляется через призму восприятия добросовестности в объективном смысле.

Иными словами, речь идет о сопоставлении определенного поведения с соответствующим масштабом добросовестного поведения, его стандартами, которые устанавливает и использует закон, которыми может руководствоваться правоприменитель, которые должны осознавать участники гражданского оборота при взаимодействии друг с другом [1. С. 82–83]. В общем виде масштаб такого добросовестного поведения определяется через общую установку п. 3 ст. 307 ГК РФ о том, что при установлении, исполнении обязательства, а также после его прекращения стороны обязаны учитывать права и законные интересы друг друга, взаимно оказывать необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставлять друг другу необходимую информацию.

Предпримем попытку обозначить границы и содержание добросовестного поведения участников обязательственного правоотношения, в том числе для того, чтобы определить пределы судейского усмотрения в разрешении конкретных казусов. В свою очередь, это позволит в полной мере осознать действие принципа добросовестности в обязательственной сфере, суть которого в общем виде выражается в требовании добросовестного поведения субъектов гражданского оборота.

Проявление добросовестности на стадии возникновения обязательства. Закон устанавливает,

что обязательства возникают из договоров, других сделок, вследствие причинения вреда вследствие неосновательного обогащения, а также иных оснований, указанных в Гражданском кодексе РФ. Перечень таких «иных оснований» содержится в ст. 8 ГК РФ, некоторые из которых способны самостоятельно породить обязательственное правоотношение. Так, например, создание произведения литературы по общему правилу не порождает обязательственного правоотношения, что, однако, не исключает возникновение такого правоотношения позже (например, автор решит заключить договор об отчуждении исключительного права или лицензионный договор). В то же время если созданное произведение является служебным, то именно факт его создания будет выступать основанием возникновения обязательства по выплате вознаграждения при наличии условий, установленных законом (в качестве таких условий закон называет начало использования служебного произведения работодателем; передачу исключительного права работодателем другому лицу; принятие работодателем решения о сохранении служебного произведения в тайне) [2. С. 212].

В рамках нормального течения гражданского оборота основная роль в возникновении обязательства должна отводиться как одностороннему, так и двустороннему (в форме соглашения) волеизъявлению субъектов. Возможность свободного волеизъявления в обязательственной сфере, в первую очередь, обеспечена реализацией принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав, содержание которого в общем виде сводится к возможности приобретения субъектами гражданского права гражданских прав и их осуществления своей волей и в своем интересе. Однако реализация интереса любого субъекта ограничена определенными рамками, в частности требованием добросовестного поведения. При этом необходимость оценки поведения субъектов, лежащего в основе возникновения обязательственного правоотношения, через призму добросовестности возникает лишь тогда, когда такое обязательство является регулятивным (как договорным, так и внедоговорным). В охранительной внедоговорной сфере поведение субъектов подлежит оценке исключительно в рамках динамики уже возникших обязательств (обязательства из неосновательного обогащения или обязательства из причинения вреда).

Итак, в регулятивной сфере на стадии возникновения обязательства речь идет об оценке поведения субъектов, которое в итоге приведет либо к факту заключения договора, либо к иным последствиям регулятивного порядка, отличным от соглашения (договора). При этом поведение субъектов оценивается не только с точки зрения того, «что он должен был сделать», но и, что наиболее важно, с точки зрения того, «как он это сделал».

Следует иметь в виду, что добросовестное поведение субъекта – это не только следование букве закона, но и осознание субъектом того, что предложенный законом набор правовых инструментов реализуется им исключительно для достижения определенного правового результата, и этот результат не должен нарушать частные и публичные интересы. Так, нарушение частного интереса может иметь место в случае, когда сторона обязательства, действуя исключительно в своих интересах, на стадии возникновения обязательства нарушила пределы осуществления гражданских прав, использовав недозволенные средства (например, обман контрагента, предоставление недостоверной информации), в том числе такие, которые подпадают под отдельные формы злоупотребления правом, и тем самым нарушила субъективные права и имущественные интересы остальных участников обязательственного правоотношения.

Нарушение публичного интереса может проявляться в том, что действия сторон, направленные на формирование обязательственной связи, приводят к удовлетворению интереса каждой из них, но совершены такие действия с использованием правового инструментария, позволившего им обойти некоторые установленные законом обязательные предписания (например, обход требования государственной регистрации договора аренды недвижимости посредством заключения соответствующего договора каждый раз на одиннадцать месяцев в течение последующих десяти лет, когда каждая из сторон осознавала, что целью этого договора являются исключительно долгосрочные арендные правоотношения).

Таким образом, можно заключить, что содержание масштаба добросовестного поведения сторон на стадии возникновения обязательства составляют стандарты, которые позволяют дать внешнюю и внутреннюю (содержательную) оценку поведению сторон. Внешняя оценка проявляется в необходимости соблюдения участниками гражданского оборота юридико-формальных требований (требований нормативных предписаний, касающихся действия или набора и последовательности совершения действий, которые приведут к соответствующему результату – возникновению обязательства). Внутренняя (содержательная) оценка выражается в необходимости соответствия поведения потенциальных участников обязательственного правоотношения стандартам добросовестного поведения как поведения, ожидаемого с учетом оценки фактических обстоятельств (в частности, с точки зрения выбора приемов, способов совершения необходимого действия или действий). Именно при установлении соответствия поведения сторон на стадии возникновения обязательства стандартам, позво-

ляющим дать внутреннюю оценку такому поведению, велика роль судейского усмотрения, поскольку в руках суда находятся лишь те механизмы определения добросовестности поведения, которые основаны на сопоставлении имущественных интересов сторон в возникновении обязательства, что невозможно без осознания существа соответствующих отношений экономического базиса, специфики действия экономических законов их развития. При реализации подобных механизмов оценки поведения участников гражданского оборота важное значение приобретает применение судом правовых обычаев, которые, помимо всего прочего, выступают ориентиром в установлении стандартов добросовестного поведения.

Проявление добросовестности на стадии исполнения обязательства. Исполнение обязательства представляет собой совершение предусмотренного в нем действия (передача имущества, выполнение работ, оказание услуг). При установлении факта совершения данного действия, выступающего лишь внешней оценкой поведения стороны обязательства (прежде всего, должника), предполагается, что такое поведение является добросовестным. Любое нарушение условий обязательства исключает презумпцию добросовестности. То есть при неисполнении обязательства либо исполнении его ненадлежащим образом поведение должника оценивается исключительно с позиции заведомо недобросовестного.

Однако не все дефекты исполнения могут быть связаны с нарушением условий обязательства. Когда таковые затрагивают непосредственно характер поведения одного из участников обязательства, презумпция добросовестности работает до тех пор, пока не будет доказано обратное. Иначе говоря, опровержение презумпции добросовестности зависит от того, с точки зрения каких стандартов оценивается поведение сторон обязательства при его исполнении. Добросовестность сторон обязательства при внешней оценке их поведения может быть подвергнута сомнению лишь с позиции соответствия исполнения нормативным предписаниям. Например, если исполнение денежного обязательства связано с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, то и расчеты между ними должны совершаться в безналичном порядке; исполненное денежное обязательство в нарушение требований закона о порядке расчетов опровергает презумпцию добросовестности сторон; в подобной ситуации опровержение презумпции основано исключительно на оценке, которую дает суд исполненному обязательству с точки зрения соответствия его нормам позитивного права. Внутренняя оценка поведения сторон на соответствие стандартам добросовестного поведения дается судом исключительно посредством оценки всех обстоятельств дела, установления содержания интересов сторон (цели обязательства) и, как правило, при активном содействии одной из сторон обязательства, которая оспаривает презумпцию добросовестности другой стороны.

Например, при исполнении денежного обязательства по договору поставки должник (покупатель) соблюдает требования о порядке расчетов между субъектами предпринимательской деятельности, однако

перечисляет деньги, используя сложную систему расчетов, с целью затягивания исполнения; кредитор (продавец) приостанавливает исполнение встречного обязательства по поставке товара; покупатель обращается в суд с требованием о понуждении исполнения обязательства по поставке товара; продавец, указав на недобросовестность покупателя при осуществлении расчетов, опровергает презумпцию добросовестности последнего, в результате суд отказывает в удовлетворении его требования о понуждении исполнения обязательства продавца по причине злоупотребления.

Определим некоторые особенности установления масштаба добросовестного поведения сторон обязательства при его исполнении (в первую очередь, с точки зрения внутренней оценки их поведения).

По общему правилу должник несет расходы на исполнение обязательства (ст. 309.2 ГК РФ). Соответственно масштаб его добросовестного поведения в первую очередь предполагает покрытие за свой счет всех затрат, что в итоге позволит исполнить обязательство надлежащим образом. Вместе с тем, исполняя свои обязанности, должник вправе рассчитывать на то, что кредитор не совершит таких действий, которые приведут к росту его затрат на исполнение. А значит, в противовес требованиям добросовестного поведения должника, которое сводится к исполнению нормативного предписания о несении расходов на исполнение, существует требование, предъявляемое к содержанию поведения кредитора: оно должно удовлетворять такому масштабу добросовестного поведения, при котором кредитор ведет себя так, чтобы объем расходов должника на исполнение был обоснованным и не чрезмерным.

Для наиболее оптимального исполнения любого обязательства закон сформировал систему общих правил. Эти правила, затрагивая все элементы правоотношения, позволяют, с одной стороны, придать исполнению обязательства четкие очертания, понятные всем его участникам, а с другой – установить общие ориентиры возможных вариантов поведения, в рамках которых участники обязательства вправе действовать по своему усмотрению. Совокупность таких общих правил образует содержание правового института исполнения обязательства, который покоится на трех основных принципах: принцип недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства; принцип реального исполнения; принцип надлежащего исполнения.

Принцип недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства находит отражение в ст. 310 ГК РФ и выражается в запрете на односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий. Реализация данного принципа (помимо той цели, на которую он направлен, а именно на стабильность гражданского оборота посредством предоставления его участникам гарантии достижимости правового результата обязательства) позволяет в полной мере учесть права и законные интересы обеих сторон обязательства, что в свою очередь позволяет достичь конкретной цели обязательства. Законом могут быть установлены пределы реа-

лизации данного принципа посредством определения случаев, не подпадающих под запрет на односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий. В частности, это касается исполнения обязательств, связанных с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности. Помимо оснований, прямо предусмотренных Гражданским кодексом, иными законами и правовыми актами, стороны могут своим соглашением установить право на односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий. Масштаб добросовестного поведения в этом случае срабатывает в части недопустимости злоупотреблением правом на односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий, когда такое право предусмотрено соглашением сторон.

В том случае, когда реализацию права на односторонний отказ от исполнения обязательства (одностороннее изменение его условий) стороны-предприниматели обусловили выплатой определенной денежной суммы, ее размер должен быть разумным и сопоставимым с размером убытков, которые могли бы возникнуть, если бы односторонний отказ от исполнения обязательства (одностороннее изменение его условий) произошел в нарушение требования о недопустимости такого отказа (недопустимости изменения условий). Существенное превышение разумных размеров договорной компенсации на случай одностороннего отказа от исполнения обязательства (одностороннего изменения его условий) является одним из пределов добросовестного поведения контрагентов в предпринимательском договоре.

Принцип реального исполнения обязательства состоит в необходимости исполнения обязательства в натуре, т.е. в необходимости совершения именно того действия, которое составляет объект обязательства (передать имущество, выполнить работу, оказать услугу). При этом добросовестность поведения должника предполагает принятие им необходимых мер для исполнения обязательства в натуре. При возникновении дефекта в динамике обязательства (в форме его нарушения) обязанность исполнить обязательство в натуре остается на должнике с той лишь разницей, что теперь о добросовестности должника речи уже не идет (презумпция добросовестности погашается). На него возлагаются, кроме обязанности исполнить обязательство в натуре, дополнительные обязанности – уплатить неустойку и / или возместить убытки. О масштабе добросовестного поведения в подобной ситуации можно вести речь применительно к оценке поведения кредитора: данный масштаб выражается в выборе такого набора правовых средств защиты, который, с одной стороны, позволяет восстановить нарушенную сферу кредитора и понудить должника к исполнению его обязанности, а с другой – не поставит должника в невыгодное имущественное положение, несопоставимое с размером нарушенного обязательства. Речь идет, в частности: о недопустимости применения одной и той же меры ответственности за одно нарушение (процентов годовых по ст. 395 ГК РФ и процентов годовых по ст. 330 ГК РФ); о недопусти-

мости понуждения к исполнению обязательства в натуре, если должник возместил убытки и уплатил неустойку за неисполнение обязательства (п. 2 ст. 396 ГК РФ); о недопустимости понуждения к исполнению обязательства в натуре, когда должник уплатил неустойку в качестве отступного (п. 3 ст. 396 ГК РФ); о недопустимости применения правил п. 1 ст. 308.3 ГК РФ, связанных, в частности, с применением «судебной неустойки», в случае, когда должник отказывается от исполнения обязательства, но не отказывается от возмещения убытков в полном объеме.

Принцип надлежащего исполнения закреплен в общем виде в ст. 309 ГК РФ. Его содержание сводится к системе требований: обязательство должно быть выполнено надлежащим лицом, надлежащему лицу, а также надлежащим образом с точки зрения предмета, места, времени и способа исполнения. Для того чтобы действия должника смогли удовлетворять каждому из элементов надлежащего исполнения, ему требуется определенный арсенал допустимых действий – масштаб (стандарты) добросовестного поведения. До тех пор, пока каждое такое действие будет удовлетворять признакам надлежащего исполнения, следует вести речь о том, что поведение должника является добросовестным.

По общему правилу обязательство *исполняется самим должником*. Вместе с тем лицом, выступающим на стороне должника, может оказаться третье лицо, которое имеет правовое основание для исполнения обязанности должника. Таким правовым основанием может выступать как возложение (распоряжение должника, соглашение должника и третьего лица и т.д.), так и норма закона, предоставляющая соответствующее право третьему лицу в обозначенных нормой позитивного права ситуациях. Но независимо от того, исполняется ли обязательство непосредственно самим должником или исполнение его обязанности осуществляет третье лицо, поведение указанных лиц должно соответствовать определенным стандартам поведения: лицо, предлагающее надлежащее исполнение, по требованию кредитора должно быть способно подтвердить свое полномочие на исполнение. При этом возможность участия третьего лица на стороне кредитора имеет известные пределы, которые можно воспринимать как пределы реализации принципа добросовестности. Речь идет о ситуациях, когда должник должен исполнить обязательство лично, если стороны своим соглашением не предусмотрели иное (например, исполнение обязательства по выполнению научно-исследовательской работы, обязательства по выполнению подрядных работ, обязательства по оказанию услуг).

В то же время должник при исполнении своей обязанности должен быть уверен, что *исполнение принимает надлежащее лицо*, а значит, стандартами добросовестного поведения кредитора будет выступать все то, что позволит должнику удостовериться в полномочиях кредитора либо лица, уполномоченного на принятие исполнения. Любое сомнение должника в денежном обязательстве (или обязательстве по передаче ценных бумаг) относительно того, кто ему противостоит, а равно отсутствие кредитора или его

уклонение от принятия исполнения расширяет круг допустимых средств надлежащего исполнения: должник может исполнить обязательство внесением денег или ценных бумаг в депозит нотариуса (а в случаях, установленных законом, – в депозит суда).

Исполнение обязательства *надлежащим предметом* устанавливает необходимость такого масштаба добросовестного поведения его сторон, при котором должник передает то, что должно быть передано, а кредитор использует весь арсенал дозволенных средств для того, чтобы удостовериться в том, что принятое исполнение соответствует условию обязательства о предмете. Суть данного тезиса заключается в том, что должник считается добросовестным, а предмет исполнения надлежащим во всех случаях принятия кредитором исполнения, даже несмотря на то, что предмет исполнения фактически оказался несоответствующим условиям обязательства, однако кредитор при принятии такого предмета не совершил тех действий, которые являются необходимыми и достаточными для того, чтобы выявить недобросовестность должника относительно предмета исполнения.

Закон предусматривает возможность расщепления предмета исполнения обязательства в рамках двух конструкций – альтернативного и факультативного обязательств. Каждая из указанных конструкций предполагает соответствующий набор действий должника и кредитора, который укладывается в соответствующий масштаб добросовестного поведения. Так, в альтернативном обязательстве право должника на выбор предмета исполнения, из числа поименованных соглашением сторон, не может быть ограничено таким соглашением, а значит, любое условие договора, ограничивающее право выбора альтернативного предмета исполнения, подлежит рассмотрению через призму злоупотребления правом.

В то же время закон предусматривает «естественный» ограничитель реализации права выбора альтернативного предмета исполнения. Речь идет о сроке его реализации: неосуществленный должником в установленный срок выбор предмета исполнения не изменяет его статус с точки зрения добросовестности, но погашает указанное право, а значит, исключает из масштаба добросовестного поведения должника арсенал альтернативных действий. Кредитор же, напротив, в подобной ситуации с целью удовлетворения своего интереса приобретает право требования предоставления любого из альтернативных предметов исполнения. При этом в масштаб добросовестного поведения кредитора вписываются все те его требования, которые не направлены на то, чтобы предъявлением такого требования поставить должника в заведомо сложное имущественное положение. Иначе говоря, кредитор выйдет за пределы добросовестности, если предъявит требование о предоставлении такого альтернативного предмета исполнения, которое, по имеющейся у него информации, создаст для должника необоснованные и чрезмерные затраты для исполнения этого требования (частный случай шиканы). Аналогично определяются стандарты добросовестного поведения сторон обязательства в ситуации, когда изначально право выбора альтернативного предмета

исполнения принадлежит не должнику, а кредитору в силу закона, иного правового акта или договора.

Спецификой обладают и стандарты добросовестного поведения должника при исполнении факультативного обязательства: при предъявлении требования кредитора о предоставлении основного исполнения по истечении установленного срока, в течение которого должник имел право заменить основное исполнение факультативным, должник обязан действовать так, как будто условия о факультативном предмете исполнения и не было.

При определении *надлежащего места исполнения обязательства* закон с точки зрения формальной логики определяет соответствующие стандарты добросовестного поведения обеих сторон обязательства. Так, при исполнении обязательства по передаче недвижимого имущества такие стандарты поведения сводятся к действиям, которые направлены на составление и подписание передаточного акта, осмотр недвижимости, а также к иным действиям, позволяющим исполнить обязательство по месту нахождения недвижимости. Если же речь идет об исполнении обязательства по передаче имущества, предусматривающего его перевозку, то и перечень необходимых действий, подпадающих под стандарты добросовестного поведения, определяются сущностью указанного места исполнения – местом сдачи имущества первому перевозчику для доставки его кредитору. Если речь идет об исполнении иных обязательств предпринимателя по передаче имущества, то допустимый набор действий должника как добросовестных должен быть таким, чтобы кредитор мог принять надлежащее исполнение от должника в месте изготовления или хранения имущества, если это место было известно кредитору в момент возникновения обязательства. Характер денежных обязательств обуславливает необходимость такого поведения должника, которое укладывается в одну из двух возможных моделей – либо совершение необходимых действий по месту жительства (нахождения) кредитора, определяемое на момент возникновения обязательства (если речь идет о наличных деньгах), либо совершение необходимых действий по месту нахождения банка, обслуживающего кредитора (если речь идет о безналичных денежных средствах).

Во всех остальных случаях масштаб добросовестности поведения должника будет определяется набором его действий, достаточных для того, чтобы кредитор смог принять исполнение в месте жительства (нахождения) должника. Изложенное не затрагивает тех случаев, когда место исполнения обязательства определено законом, иными правовыми актами, договором, явствует из обычаев или существа обязательства. В подобных случаях масштаб добросовестного поведения сторон обязательства определяется, во-первых, требованиями соответствующего нормативного предписания, учитывая правила формальной логики, и, во-вторых, ожидаемым от сторон поведением, содержательная характеристика которого основана на оценке соответствующих фактических обстоятельств.

Что касается *сроков исполнения* обязательства, то, как известно, одни обязательства содержат точное

указание на день их исполнения или период времени, в течение которого они должны быть исполнены (срочные обязательства). Другие обязательства срока исполнения не предусматривают (бессрочные обязательства) или определяют срок исполнения моментом востребования. Масштаб добросовестности поведения относительно срочных обязательств будет определяться допустимыми действиями должника по исполнению его обязанности в соответствующий день или любой момент в пределах соответствующего периода времени. В остальных случаях (применительно к бессрочным обязательствам или обязательствам, момент исполнения которых определен моментом востребования) должник будет считаться добросовестным, если он совершит необходимые для достижения цели обязательства действия в семидневный срок со дня предъявления кредитором требования об исполнении обязательства, если иной срок не предусмотрен законом, иными правовыми актами, условиями обязательства или не вытекает из обычаев либо существа обязательства (например, в случае предоставления бессрочного денежного займа, он должен быть возвращен заемщиком в течение тридцати дней со дня предъявления займодавцем требования об этом, а значит, совершение платежа в любой день в течение указанного срока будет укладываться в масштаб добросовестного поведения должника). Вместе с тем для должника как добросовестного субъекта действует правило «разумного срока ожидания», по истечении которого добросовестный должник обязан потребовать от кредитора принять исполнение, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, условиями обязательства или не вытекает из обычаев либо существа обязательства.

В отношении срочных обязательств не исключена ситуация, когда должник предложит исполнение до установленного срока. Реализацию права должника на досрочное исполнение обязательства необходимо рассматривать через призму стандартов добросовестного поведения как действие стороны обязательства, направленное на изменение срока исполнения обязательства. При этом по общему правилу согласие кредитора на принятие досрочного исполнения предполагается, а значит, для изменения условия о сроке исполнения обязательства достаточно лишь одного активного действия должника по предоставлению досрочного исполнения. Если же сторонами такого обязательства выступают субъекты предпринимательской деятельности, то поведение должника по досрочному погашению долга может войти в завершающую фазу (фазу погашения долга) лишь при одобрении кредитором такого поведения.

Учитывая изложенное, можно определить момент достижения соглашения об изменении срока исполнения обязательства применительно к ситуации досрочного его исполнения: по общему правилу – это момент, когда должник предлагает принять надлежащее исполнение до установленного срока; в предпринимательской сфере по общему правилу – это момент, когда кредитор дает согласие на принятие исполнения до установленного срока.

Обязательство может быть исполнено различными *способами*: посредством предоставления предмета обязательства полностью или по частям, непосредственно кредитору или через третье лицо, путем отправки предмета исполнения обязательства кредитору по почте, транспортом или вручением его лично кредитору и т.д. Это означает, что стандарты добросовестного поведения сторон обязательства при выборе способа его исполнения определяются существом предмета исполнения и содержанием обязательства. Так, обязательство по передаче индивидуально-определенной вещи может быть исполнено лишь посредством совершения таких действий должника, которые можно квалифицировать как разовый акт (вручение вещи, вручение документов и т.д.). В то же время передача вещей, определенных родовыми признаками (например, денежных средств), определяет

набор действий по исполнению определенной части обязанности должника, достаточных для того, чтобы в итоге такое частичное исполнение обязанностей могло бы погасить обязательство в целом.

В итоге можно заключить, что предложенный механизм определения масштаба добросовестного поведения сторон обязательства на стадиях его возникновения и исполнения позволяет в полной мере определить объем и пределы судейского усмотрения при разрешении конкретной спорной ситуации. Данный механизм соответствует авторскому подходу восприятия добросовестности в объективном смысле через теорию «конкретных жизненных обстоятельств» [1. С. 83]. В основе такого механизма лежат внешняя и внутренняя (содержательная) оценки поведения участников соответствующего правоотношения, проводимые судом с учетом фактических обстоятельств дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соломин С.К. Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 2 (47). С. 75–85.
2. Соломина Н.Г. К вопросу о сфере действия общих норм об обязательствах // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства : в 3 т. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2016. Т. II. С. 211–215.

Статья представлена научной редакцией «Право» 3 февраля 2017 г.

MANIFESTATION OF GOOD FAITH AT STAGES OF OBLIGATION FORMATION AND FULFILMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 416, 185–190.

DOI: 10.17223/15617793/416/28

Sergey K. Solomin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sksolomin@mail.ru

Natalya G. Solomina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ngsolomina@mail.ru

Keywords: good faith; principle of good faith; acting on good faith; liability law; obligation.

In the work, the authors offer a mechanism to determine the scale of actions in good faith of the parties of the obligation at stages of its formation and fulfilment, which allows determining the scope and limits of judicial discretion in resolving a disputable situation. This mechanism corresponds to the general approach of perception of good faith in the objective sense using the author's theory of "particular life circumstances", which is based on the external and internal (substantial) assessment of the behavior of obligation participants made by the court with consideration of the facts of the case. It is established that the content of the scope of actions in good faith of the parties at the stage of formation of obligations consists of standards allowing to give an external and internal (substantial) assessment to the behavior of the parties. The essence of the external assessment consists in the need for the participants of civil transactions to comply with formal legal requirements. The internal (substantial) assessment is expressed in the need for the behavior of the participants of obligation relations to comply with the standards of good faith as the expected conduct in factual circumstances. It is determined that during the determination of compliance of the parties' behavior with the standards, which allow to give an internal assessment to such a behavior, at the stage of obligation formation, the role of judicial discretion is significant: the court has the mechanisms of determination of the good faith of behavior based on comparison of property interests of the parties in the formation of an obligation. During assessment of the behavior of the participants of civil transactions, of importance is the application by courts of legal customs that act as a landmark in establishment of standards of actions in good faith. The authors conclude that any violation of obligation conditions excludes the presumption of good faith. However, defects of execution, which directly affect the behavior of one of the participants of the obligation, do not abolish the presumption of good faith until the contrary is proved. The basic principles of the legal institution of obligation fulfilment determine the features of establishing standards of actions in good faith of the parties of the obligation from the viewpoint of the internal assessment of their behavior.

REFERENCES

1. Solomin, S.K. (2016) Theory of good faith in Russian civil law: formation, development, prospects. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" – Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University. Law.* 2 (47). pp. 75–85. (In Russian).
2. Solomina, N.G. (2016) K voprosu o sfere deystviya obshchikh norm ob obyazatel'stvakh [On the scope of the general rules of obligations]. In: Polyakov, S.A. (ed.) *Problemy pravovogo obespecheniya bezopasnosti lichnosti, obshchestva i gosudarstva: v 3 t.* [Problems of legal security of the individual, society and the state: in 3 vols]. Vol. 2. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.

Received: 03 February 2017